

РАЗДЕЛ IV. НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 93/94

Тен В.А.

Московский государственный областной университет

О ТРУДНОСТЯХ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ РОССИЙСКИХ КОРЕЙЦЕВ В КАЗАХСТАНЕ (1937–1938 гг.)

V. Ten

Moscow State Regional University

ON THE DIFFICULTIES OF THE INITIAL ADAPTATION OF THE RUSSIAN KOREANS IN KAZAKHSTAN (1937–1938)

Аннотация. Россия имеет огромный опыт по адаптации нерусских национальных групп в российское общество. Такой путь прошли дальневосточные корейцы в Российской империи и в Советском Союзе, в том числе после их депортации в 1937 г. на территорию КазССР. На основе документальных источников и полевых записей автора в сообщении рассмотрены трудности первоначальной адаптации корейских переселенцев в Казахстане. Отсутствие постоянного жилья, новые виды сельскохозяйственных занятий, необходимость срочного перехода на русский язык, которым большинство переселенцев владело слабо, делают убедительным вывод о том, что первые два года – 1937 и 1938 – были самым тяжелым периодом для корейских переселенцев. Тем не менее, депортированные корейцы внедрили неизвестные местному населению ирригацию и поливное овощеводство, активно овладевали русским языком. Благодаря этому они быстрее адаптировались на месте нового постоянного жительства.

Ключевые слова: Россия, Казахстан, Дальний Восток депортация, корейские переселенцы, адаптация, трудности.

Abstract. Russia has vast experience in the adaptation of the non-Russian ethnic groups in the Russian society. This process is well known to the Far Eastern Koreans, who lived in the Russian Empire and the Soviet Union, including the time after their deportation in 1937 from the Far East to Kazakhstan. Based on documentary sources and author's field records, this report describes the difficulties of the initial adaptation of Korean migrants in Kazakhstan. The lack of permanent housing, new types of agricultural activities, the need for urgent transfer to the Russian language, which most of them knew very little, permit the author to conclude that the first two years – 1937 and 1938 – were the most difficult for the Korean migrants. Nevertheless, the deported Koreans introduced the agricultural methods (like irrigation and vegetable growing) which were unknown to the local population and actively learned the Russian language. This way they soon adapted to the new place of permanent residence.

Key words: Russia, Kazakhstan, the Far East, deportation, Korean migrants, adaptation, difficulties.

Вопросы адаптации иммигрантов приобретают все большую остроту в современном мире, особенно в наиболее развитых странах. Несомненна актуальность этой проблемы и в Российской Федерации. Поэтому важно учитывать огромный опыт истории нашей страны по адапта-

ции и интеграции нерусских этнокультурных групп, в том числе и вне мест их традиционного обитания, занятий и образа жизни.

Эти процессы можно проследить на примере полуторавекового проживания корейских иммигрантов в Российской империи, Советском Союзе и современной России. Целью данного сообщения является анализ проблем адаптации российских корейцев, депортированных в 1937 г. с русского Дальнего Востока в Казахстан, где совершенно иные природно-климатические условия, другие способы и культуры земледелия и во многом другая этнокультурная среда.

Хотя депортация 1937 г. российских/советских корейцев в Казахстан и Узбекистан достаточно широко изучена учеными России и стран СНГ, комплексного исследования трудностей первоначального периода адаптации пока не существует. Авторы предшествующих работ не ставили задачи создать цельное представление о трудностях первоначального обустройства в первые два года корейцев после их прибытия в места расселения. Это сообщение посвящено разным аспектам адаптации корейцев ДВК в этот самый тяжелый период начала их жизни в Казахстане. По данной теме есть немало документальных источников, включенных в несколько сборников и отдельные монографии [1; 5; 8; 13]. При написании данного сообщения автор также опирался на сведения из фондов Кустанайского областного архива и записи бесед с очевидцами переселения в Кустанайской области, сделанными самим автором в 1989-1993 гг.

По разным оценкам, во второй половине 1930-х гг. на российском Дальнем Востоке проживали от 180 тыс. до 205 тыс. корейцев. [13, с. 16-17; 8, с. 216]. Перепись 1937 г. (названная дефектной) зафиксировала в СССР 168 тыс. корейцев, в том числе в РСФСР – 167 тыс. человек, при этом на Дальнем Востоке – 165 тыс. и в Читинской области – 2 тыс. человек [2, с. 89-90, 106].

Первое решение о депортации российских корейцев с территории Дальнего Востока было принято в конце лета 1937 г. «Постанов-

ление № 1428 – 326сс СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б)» от 21 августа 1937 г. требовало: «выселить все корейское население из пограничных районов Дальневосточного края: ... К выселению приступить немедленно и закончить к 1 января 1938 г.» [1, с. 64-65]. 28 сентября 1937 г. СНК СССР издает второе «Постановление № 1647-337сс», в котором говорилось: «выселить со всей территории Дальне-Восточного края всех оставшихся корейцев. ... в течение октября месяца 1937 г.» [1, с. 80].

Вначале предусматривалось депортировать корейское население ДВК в южные области Казахстана и на территорию Узбекистана, то есть в районы, где возможно разведение риса и/или рыболовство. Планы постоянно обновлялись из-за неготовности ранее намеченных районов к приему такого количества переселенцев. К началу зимы 1937-1938 гг. в Казахстан «прибыло корейских переселенцев 20 789 семей, 98 454 человек». Среди них были почти 31 тыс. колхозников-земледельцев, 5350 колхозников-рыболовов, почти 16 тыс. с/х рабочих и единоличников, примерно 15 тыс. чернорабочих, в том числе рабочих госрыбхозов, почти 11 тыс. квалифицированных рабочих, более 1 тыс. кустарей-артельщиков, почти 1,5 тыс. старателей и 15 тыс. служащих. [5, с. 43]. Проще других оказалось трудоустройство полутора тысяч бывших старателей. Их распределили на Джетыгаринские золотодобывающие прииски и на угольные шахты Караганды. Но еще в ходе переселения стало очевидным, что разместить и обустроить всех депортированных в ранее планировавшиеся места невозможно.

Тогда принимается решение о расселении депортируемых корейцев и в северные, западные и центральные области КазССР, хотя по природно-климатическим условиям выращивание здесь риса было невозможно. Возможности рыболовства были ограничены побережьем Балхаша и северо-запада Каспийского моря, то есть пустынными и малонаселенными местами с неразвитой транспортной сетью. Тем не менее, эти регионы Казахстана также стали местами расселения дальневосточных корейцев.

Так, в Кустанайскую область в октябре-ноябре 1937 г. привезли 982 депортированные семьи, или 5 тыс. 100 человек. Корейцы прибыли сюда тремя разными по численности и по политическому статусу группами. Первая группа состояла из нескольких человек (примерно от 5 до 10), высланных с Дальнего Востока как «социально-опасные элементы». Это были образованные люди, активные участники освободительного и коммунистического движения на советском Дальнем Востоке в 1920-30 гг. В 1935-1936 гг. они подверглись исключению из рядов ВКП(б), а затем арестованы. Они прибыли в Кустанай осенью 1936 г., примерно за один год до массовой депортации корейцев. Основная масса переселенцев – почти 5 тыс. человек – прибыла в Кустанайскую область поздней осенью 1937 г. в ходе тотального выселения и состояла из представителей всех социальных групп. Третью группу депортированных корейцев составили корейцы из Маньчжурии, в том числе и участники антияпонских партизанских отрядов. Спасаясь от японского наступления, они зимой 1936–1937 г. перешли в СССР, а в феврале 1938 г. были депортированы с ДВК. Их число было относительно невелико. В Кустанайской области таковых оказалось немногим более 30 человек, не считая членов семей [9, с. 17, 23, 32].

С начала 1938 г. на корейских переселенцев, как и на многих других жителей Кустанайской области, обрушились необоснованные репрессии. Тогда были репрессированы от 70 до 100 депортированных корейцев. Впоследствии все они были реабилитированы [11].

По воспоминаниям переселенцев, «самым тяжелым был первый год (жизни в Казахстане – авт.). <...> Мы приехали [в Казалинск – место размещения корейского педучилища], а у нас запасов мало. Овощей здесь не было. Нас поселили в обшарпанный кинотеатр (его освободили специально, чтобы нас разместить). Пол был цементный, кроватей не было. Дали только матрасы, но от холода все равно [многие] болели. Весной сразу начались болезни: куриная слепота и дизентерия, все вместе. Некоторые [наши] ребята умерли.

С другой группы двое умерли. Я тоже болел дизентерией и тоже чуть не умер», – рассказывал автору бывший студент этого педучилища Виктор Петрович Шегай¹. Немногим лучше было положение в Корейском пединституте, перемещенном в г. Кзыл-Орду.

Особенно страдали от холода и недоедания дети «...младенческой возрастной группы». «По воспоминаниям информантов, в каждой корейской семье умирали дети, во многих многодетных семьях выживала половина или меньшая часть» [6, с. 202]. Это утверждение Г.Н. Кима представляется недостаточно обоснованным. Наши подсчеты показывают, что у депортированных в Казахстан корейцев в 1938 г. имел место естественный прирост почти на 500 человек. Этот показатель резко уменьшился – до 95 человек – в 1939 г. [7, с. 20]. Следовательно, даже в тяжелейшие первые два года адаптации среди депортированных корейцев наблюдался естественный прирост населения, хотя и незначительный.

Но в целом условия социально-экономической адаптации депортированных корейцев в первые годы обустройства в Казахстане были крайне неблагоприятными. Они способствовали уменьшению численности корейского населения в этой республике. Перепись 1939 г. учла корейское население СССР в количестве 182 339 человек, в т. ч. в КазССР – 96 453 человека (1,6% всего населения республики) [12, с. 335], в УзбССР – 72 944 человек и в РФСР – 11 462 человека [3]. Таким образом, за первые два года демографические потери среди корейских переселенцев в Казахстане составили 2000 человек.

Тяжелее всего пришлось крестьянам-переселенцам, подавляющее большинство которых были земледельцами. Основная масса депортированных колхозников не смогла получить компенсации ни в виде продовольствия, ни в виде денег, необходимых для пропитания в течение зимы 1937 г. и весны 1938 г. Ниже приведены сокращенные выдержки из обращений и писем переселенцев в вышестоящие союзные и республиканские власти. Из письма Предсовнаркома КазССР

¹ Полевые материалы автора 1993 г.

В.И. Лазареву: «...на трудодень за 1937 г. ничего не выдано, расчет с колхозниками не произведен. Колхозники не имеют ни копейки денег. Сидят на [привезенной с собой] муке с сентября месяца 1937 г., не имеют ни грамма жиров и мяса, нет капусты и картофеля <...> Во время посевной кампании многие колхозники оказались больными <...> В крайне тяжелом положении оказались все колхозники <...> Деньги, обещанные в ДВК по обязательствам, не выдают, кредиты просим, но их не дают. <...> срывается посевная кампания. <...> куда мы ни обращались, не получаем результатов. <...> Председатель колхоза «Красная коммуна» Г. Ким, 9 апреля 1938 г.» [1, с. 160]. Еще один пример – из заявления колхозника Ким Ген-Сека Председателю СНК СССР тов. Молотову: «переселившиеся в Казахскую ССР колхозы не получили ни одного килограмма зерна в счет сданных нами государству в ДВК, в то время как в наших руках есть документ о сдаче. 16. VIII. 1938 г.» [1, с. 169].

Для переселяемых 15 тыс. служащих и рабочих госпредприятий – согласно постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР – предусматривалась выплата суточных в размере до 5 рублей на сутки переезда. Но эти деньги получили немногие, а главное: после прибытия в Казахстан многие переселенцы долго не могли получить какую-либо работу. Их приему на работу препятствовало нередко и недостаточное знание русского языка. Большую часть служащих-корейцев составляли учителя 287 дальневосточных школ, среди которых минимум в половине школ обучение шло на корейском языке с охватом почти 22 тыс. учащихся. «Преподавание русского языка [в ДВК] в настоящее время неудовлетворительно <...> В результате окончившие корейские школы и даже институт почти не владеют русским языком» [4, с. 311]. Зимой 1937-1938 г. часть корейских школ возобновила обучение детей переселенцев, и их учителя были трудоустроены на новых местах размещения школ. Но с началом 1938-1939 учебного года в СССР обучение на родном языке всех национальных меньшинств было

прекращено. Лишились работы несколько тысяч депортированных учителей корейских школ, приступивших к обучению на родном языке более 14 тыс. учащихся-корейцев. Найти работу служащего или учителя, конкурируя с большинством русскоязычных учителей и других служащих, им и другим переселенцам было очень трудно. Поэтому и для них первый год после депортации также стал очень трудным для выживания.

Первоначальное размещение депортированных корейцев предполагалось провести по планам органов местной власти и под контролем уполномоченных НКВД по делам переселяемых корейцев. Однако разрыв между планированием на бумаге и реальным положением с обустройством десятков тысяч переселенцев был огромен. Уполномоченный отдела НКВД по корейским переселенцам докладывал в Москву, что «точки постоянного оседания не были определены. В качестве жилья были приспособлены пустующие здания и построены полуземлянки <...>. Снабжение продовольственными и промышленными товарами было явно недостаточным, выдача денег за сданное в ДВК имущество не производилась» [5, с. 46-51]. Таким образом, экономическое положение депортированных корейцев было крайне тяжелым. Фактически вплоть до весны 1938 г. они не имели ни постоянной работы, ни регулярных источников питания, ни нормального жилья. Строительство постоянных жилищ было очень острой проблемой. Первоначально землянки переселенцы строили сами, но власти обещали построить для них добротные жилые дома.

Адаптация прибывших в 1937 г. новых жителей Кустанайской области имела свои особенности [9]. Очевидец П.К. Ким вспоминает, что люди не хотели объединяться в новые многоотраслевые колхозы по выращиванию зерновых, картофеля, овощей и животноводству¹. Власти не учитывали, что корейцы традиционно не занимались разведением молочного крупного рогатого скота и овцеводством [4, с. 333]. Созданные скотоводческие фермы, особенно молочно-товарная и овце-

¹ Полевые материалы автора 1989 г.

водческая, были крайне мелкими¹ и не могли быть рентабельными.

До переселения дальневосточных корейцев овощеводство на территории Кустанайской области было самой неразвитой отраслью сельского хозяйства. Население г. Кустаная страдало от острого недостатка овощей. Депортированные корейцы были известны еще на Дальнем Востоке как отличные овощеводы, умело применявшие поливное земледелие. Местные власти решили использовать эти их навыки и организовать в Кустанайской области массовое выращивание овощей. Для этого сначала создали одну специальную огородническо-бахчеводческую бригаду из 61 человека, а затем и другие овощеводческие бригады в корейских колхозах². Уже в 1938 г. было собрано большое количество долгожданной для кустанайцев овощной продукции: урожайность огурцов, например, составила 155 ц с гектара³.

Кроме того, в 1938 г. корейские переселенческие колхозы добились хороших результатов в привычной для них сфере сельскохозяйственного производства – земледелии. Животноводство же в этот и последующие годы оставалось резко убыточным, что увеличивало крупную дебиторскую задолженность корейских колхозов.

Стремясь предотвратить развал корейских колхозов «Самир» и «5 Декабрь», областные власти идут на перепрофилирование обоих колхозов из многоотраслевых хозяйств по преимуществу в овощеводческие хозяйства. Они должны были стать основными овощеводческими центрами Кустанайской области.

Для кустанайских корейцев, вспоминает Л.К. Ким, «самыми тяжелыми годами жизни на новых местах были годы с 1938 по 1940»⁴. Несмотря на все эти тяготы, корейские переселенцы смогли пережить трудности первоначального периода обустройства в Казахстане. Большинство переселенных корейцев

были из крестьян и не знали русского языка или недостаточно владели им, так как учились в корейских сельских школах. Неудивительно, что документация в корейских колхозах зачастую велась на корейском языке. Лишь постепенно из неё исчезали записи на корейском языке, и все чаще употреблялся русский язык⁵. Это явление наблюдалось до конца 1940-х – начала 1950-х гг., пока в середине 1950-х гг. на базе двух корейских колхозов не был создан укрупненный совхоз.

В целом, постепенно преодолевая трудности непривычных природно-климатических условий, языковых и этнокультурных различий, депортированные с Дальнего Востока российские корейцы адаптировались к жизни и труду в Казахстане и превратились в русскоязычную часть советских граждан. Этот процесс занял несколько десятилетий, в течение которых советские корейцы, начиная со второго и третьего поколения иммигрантов, интегрировались в советское общество, представляя его самые различные слои. В 1970-е гг. корейское по происхождению национальное меньшинство, проживавшее главным образом в Узбекистане и Казахстане, по процентному соотношению лиц с высшим образованием занимало одно из первых мест среди наций и национальных групп Советского Союза.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Белая книга о депортации корейского населения России в 30-40-х годах. Книга первая. Авт.-сост. Ли У Хе и Ким Ен Ун. – М.: Интерпракс, 1992. – 208 с.
2. Всесоюзная перепись населения 1937 г. Общие итоги. Сб. материалов и документов. – М.: РОССПЭН, 2007. – 320 с.
3. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения по республикам СССР. [Сайт]. URL: Демоскоп weekly, № 499 – 500, 20 февраля – 4 марта 2012 года. http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_39.php?reg=2 (дата обращения 12.02.2012 г.).
4. Корейцы в СССР. Материалы советской печати 1918 -1937 гг. – М.: ИВ РАН, 2004. 344 с.
5. Кан Г.В. Корейцы Казахстана. – Алматы: Казахстан, 1994. – 239 с.

⁵ ГАКО. Ф. 97. Оп. 2. Д. 4. ЛЛ. 11-13; Ф. 159. Оп. 1, Д. 7. ЛЛ. 2-3. Оп. 2. Д. 3. ЛЛ. 37 об. – 41.

¹ Государственный архив Кустанайской области (ГАКО). Ф. 97. Оп. 1. Д. 5. ЛЛ. 7, 9.

² ГАКО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 12. ЛЛ. 21-23.

³ ГАКО. Ф. 159. Оп. 1. Д. 14. ЛЛ. 5, 8.

⁴ Полевые материалы автора 1992 г.

6. Ким Г.Н. История иммиграции корейцев. – Кн. 1. – Алматы, 1999. – 424 с.
7. Ким Г.Н., Мен Д.В. История и культура корейцев Казахстана. – Алматы, 1995. – 347 с.
8. Пак Б.Д. Корейцы в Советской России (1917 – конец 30-х годов). – М.-Иркутск-СПб., 1995. – 259 с.
9. Тен В.А. Начальные страницы истории кустанайских корейцев. – Кустанай, 1994. – 48 с.
10. Тен В.А., Зайцев В.А. Социально-экономическое развитие корейских колхозов «Самир» и «5 Декабрь» в 1938–1940 гг. // Известия о корееведении в Казахстане и Средней Азии. № 2. – Алматы, 1993. – С. 23-29.
11. Тен В.А. Судьбы первых ссыльных корейцев в Казахстане // Известия корееведения в Казахстане. Вып. 1-й. – Алматы, 1996. – С. 44 -52.
12. Черныш П.М., Хан В.Н. Корейцы Кустанайской области. – Костанай, 2000. – 347 с.
13. Kho Sungmoo, Koreans in Soviet Central Asia. – Helsinki, 1987. – 262 p.

УДК 314.17(470) “1960/1980”

Никитаева Е.Б.

Московский государственный областной университет

МИГРАЦИЯ И ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В СЕЛАХ ЦЕНТРАЛЬНОГО РАЙОНА РОССИИ В 1960-е – НАЧАЛЕ 1980-х гг.

E. Nikitayeva

Moscow State Regional University

MIGRATION AND THE PECULIARITIES OF SOCIO-DEMOGRAPHIC SITUATION IN RURAL SETTLEMENTS IN CENTRAL REGION OF RUSSIA IN THE 1960s – EARLY 80s

Аннотация. В статье анализируются последствия государственной аграрной политики 1960-х – начала 1980-х гг. для сел Центрального района России. Показано, что определяющим демографическим фактором в изменении численности сельского населения в Центральной России являлась интенсивная миграция. Ее последствия начинают сказываться с конца 1960-х гг. Предметом рассмотрения стали изменения половозрастной структуры сельского населения: его старение, сокращение трудоспособных возрастов, существенное сокращение уровня рождаемости. Отмечается, что крайне негативные изменения в демографической обстановке в 1960-е – 1970-е гг. создали напряженный баланс трудовых ресурсов в Центральном экономическом районе.

Ключевые слова: миграция, сельское население, социально-демографические процессы, трудовые ресурсы, трудоспособный возраст.

Abstract. The article analyses the consequences of the Rural State Policy of the 1960s – early 80s for the rural settlements in Central region of Russia. The author shows that it was the intensive migration that became the determining factor for the change of the rural population quantity. Its consequences began to have an impact since the 1960s. The object of studying is the change in the age- and sex-related structure of the rural population: its ageing, manpower resources shortening, considerable birthrate falling. The author notes that the extremely negative changes in demographic situation of the 1960-70s created a strained balance in manpower resources of Central economic region of Russia.

Key words: migration, rural population, socio-demographic processes, manpower resources, working age.

Аграрная политика 1960-х – начала 1980-х гг. способствовала усилению миграционных процессов в сельской местности и, как следствие, осложнению социально-демографической